

Линь Цзэ миновал прихожую, привычно переобулся и направился к своему классу.

Весь путь его сопровождали украдкой брошенные взгляды. Стоило ему обернуться, как ученики тут же отводили глаза и принимались с самым будничным видом болтать с друзьями. Если бы не задание, заставлявшее Линь Цзэ быть начеку и замечать любую угрозу, он вряд ли обратил бы внимание на этот негласный надзор. Но сейчас такая подчеркнутая скрытность — мол, «я просто смотрю по сторонам» — казалась ему в высшей степени подозрительной.

Впрочем, не хватать же первого встречного за шиворот с требованием объясниться? Это было бы слишком похоже на дешевую выходку задиры, да и образу Симидзу Соитиро совсем не соответствовало.

Сгорая от любопытства и легкой тревоги, Линь Цзэ распахнул дверь кабинета. Народу внутри было немного; почти все дремали на партах, поэтому он не стал никого беспокоить приветствиями и молча сел на свое место.

Не успел он устроиться, как дверь снова открылась, и в класс вошел Ямаути Сюнсуке. Увидев Линь Цзэ, староста без тени сомнения направился напрямик к нему. Тот попытался остановить его тяжелым, угрожающим взглядом, но это не возымело ни малейшего эффекта. Оболочка Симидзу Соитиро была лишена и тени властности: вместо того чтобы пугать, он смотрел глубоко и с какой-то томной нежностью. Поняв это, он тут же перестал таращиться.

— Никогда бы не подумал, что ты такой мастер! — с порога заявил Ямаути.

Линь Цзэ лишь недоуменно моргнул, ожидая пояснений.

Староста важно поправил очки и со знанием дела продолжил:

— Так это и есть высший пилотаж тактики «оттолкни, чтобы притянуть»? Не ожидал я такого поворота событий. Мое почтение! Ты настоящий мужик!

— О чем ты вообще? — Линь Цзэ посмотрел на него как на умалишенного.

Он понимал каждое слово, но смысл фразы ускользал от него. Что за муха укусила этого парня?

— Что? Ты до сих пор не в курсе? — Ямаути удивленно приоткрыл рот.

В своих старомодных очках в черной оправе он выглядел в этот момент на редкость комично. Осознав, что подобная мимика вредит его имиджу красавца, Сюнсукэ мгновенно принял серьезный вид и начал объяснять:

— Вчера после уроков председатель Нагасима сделала ошеломляющее заявление! — Он снова поправил очки и... замолчал, выжидая театральную паузу.

Линь Цзэ посмотрел на его физиономию, так и кричащую: «Ну же, попроси меня рассказать!», и, едва сдержав желание закатить глаза, нехотя подыграл:

— И что дальше? — Он сделал паузу и сухо добавил: — Прощу, просвети меня.

Хотя Линь Цзэ явно не дотягивал до роли умоляющего просителя, Ямаути счел это достаточным и продолжил:

— Вчера днем председатель лично распорядилась, чтобы никто не смел трогать тебя и пальцем. Поэтому ты вчера так спокойно дошел до дома, верно? — Он дождался подтверждающего кивка и понизил голос: — Но сегодня, придя в школу, ты ведь почувствовал, что атмосфера изменилась?

— Почувствовал, — подтвердил Линь Цзэ. — И это как-то связано с председателем Нагасимой?

— Напрямую! — Ямаути в очередной раз подтолкнул дужку очков на переносице. — Вчера, когда она отдала приказ, занятия уже закончились, и никто не рискнул беспокоить её в личное время расспросами. Но сегодня утром вся школа ринулась в студсовет узнать, с чего вдруг такая милость.

Этот витиеватый слог уже начинал утомлять Линь Цзэ, но он заставил себя слушать дальше.

— «С чего вдруг такая милость»... — безвкусно повторил он за старостой, недружелюбно посмотрев на него.

Звучало так, будто его по умолчанию должны были забить до смерти телохранители Нагасимы Тизэ! Однако Ямаути не заметил его недовольства — вероятно, линзы очков фильтровали реальность, выдавая желаемое за действительное. Староста решил, что Линь Цзэ просто горит нетерпением узнать финал.

— Я сам выпал в осадок, когда услышал причину. Ты хоть представляешь, что именно сказала председатель? Почему все так на тебя смотрят?

— Если бы я знал, я бы не спрашивал! — отрезал Линь Цзэ с явной усталостью. Эта манера старосты тянуть кота за хвост дико раздражала.

Почуввав, что терпение собеседника на исходе, Ямаути наконец выдал самое главное:

— Она сказала, что влюбилась в тебя.

По классу словно пронесся ледяной сквозняк. Линь Цзэ окаменел.

— Именно поэтому она запретила кому-либо нападать на тебя, — подытожил Ямаути, поправляя очки. Утренний туман за окном словно осел на его линзах, скрывая его взгляд. — Кто бы мог подумать, что всё так обернется...

Линь Цзэ, глядя на причитающего старосту, первым делом выдал нервный смешок:

— Да это же твоя вина, идиот! — А затем добавил уже серьезнее: — Она это серьезно? Не издевается?

Какая уж тут «любовь»! Это же классическая подстава, «убийство через вознесение». Она просто выставила его мишенью для всей школы!

Однако Ямаути внезапно разозлился.

— Как ты смеешь сомневаться в искренности чувств председателя Нагасимы! — Он возмутился. Он презрительно фыркнул и посмотрел на Линь Цзэ искоса: — Не волнуйся, чтобы разделаться с кем-то твоего уровня, председателю вовсе не обязательно жертвовать собственной репутацией!

«Чего это он взвился? — подумал Линь Цзэ. — И почему я снова в списке врагов?» Впрочем, он тут же вспомнил, что Ямаути сам состоит в студсовете и, скорее всего, входит в число фанатиков Нагасимы. Для него такая реакция, пожалуй, была естественной.

— С чего бы председателю влюбляться в такого, как ты? — Ямаути обхватил голову руками, явно страдая от этой мысли. — Неужели дело в этом? Председатель никогда не знала отказов, а ты её отверг... Неужели в ней проснулся скрытый мазохизм? Неужели пробудились её латентные склонности? Чтобы быть с ней, нужно стать садистом?

— Ты... не боишься так порочить имя председателя? — Линь Цзэ заметил, что на театральные жесты Ямаути начали оглядываться даже те, кто до этого спал, и решил из чистого сочувствия охладить пыл одноклассника.

Хотя в классе было пусто, многие лишь делали вид, что спят, на деле внимательно прислушиваясь к каждому слову. Ямаути взглянул на него и тут же вернул себе официальный вид. Стоит признать, стоило ему закрыть рот, как он тут же начинал производить впечатление крайне серьезного человека.

— Я лишь выдвигаю гипотезы, — невозмутимо произнес он, поправляя очки. — И вовсе не порочу её честь. Если у председателя есть подобные предпочтения, то у претендентов на её сердце просто появится четкий вектор для работы над собой.

Линь Цзэ заметил, как «дремавшие» одноклассники при этих словах на мгновение замерли с задумчивыми лицами, а потом снова уткнулись в парты. Пропасть между этим миром и его прежним становилась всё очевиднее. Неужели нормальный человек примет такое объяснение за чистую монету?

Оказалось — здесь принимают. И Линь Цзэ не сомневался, что пара-тройка безумцев действительно воспримет слова Ямаути как руководство к действию и с разбегу ломанется в «новую дверь». Впрочем, это были уже чужие проблемы. Сюнсукэ просто плодил грехи один за другим.

Линь Цзэ хотел что-то ответить, но в этот момент прозвенел звонок на урок, заглушив его голос. Разговор затянулся из-за привычки старосты лить воду, и время утренней самоподготовки пролетело незаметно.

В класс начали стягиваться ученики с утренних тренировок, вошел учитель, и Линь Цзэ спокойно отсидел занятие. После урока он хотел было сам найти Ямаути, но тот как сквозь землю провалился — то ли ушел по делам, то ли просто решил дистанцироваться от «опасного объекта», чтобы не попасть под раздачу.

Линь Цзэ остался на месте, ощущая витающую в классе враждебность и подозрительность. Он заметил, что у дверей то и дело мелькают старшеклассники, якобы случайно заглядывая внутрь. Он прекрасно понимал: все пришли посмотреть на новую «знаменитость».

Парень невольно вздохнул. Хорошо, что утром он предвидел нечто подобное и купил обед заранее, иначе поход в школьный магазин превратился бы в прогулку по минному полю.

В обед число любопытных только возросло. Увидев, что он не собирается выходить из кабинета, старшеклассники дежурили в коридоре до победного конца, пока звонок не заставил их разбрестись по своим местам.

Линь Цзэ это даже немного озадачило. «Я-то из класса не выхожу, но что мешает им зайти внутрь? Конечно, врваться к младшим — дурной тон, но стоять у двери, как приклеенные... что это за маневры?»

Впрочем, ответ нашелся быстро. Перед ним снова возник Ямаути Сюнсукэ. Этот тип появлялся именно тогда, когда в нем не было нужды, и исчезал в самый ответственный момент. Истинный «чертов подставляла».

Староста явился передать распоряжение студсовета.

— Сегодня после уроков, в три тридцать, когда закончится уборка, председатель Нагасима будет ждать тебя в кабинете В-2.

Ямаути поправил очки, он был беспристрастен и холоден.

— Председатель крайне сожалеет о вызванном ею резонансе, особенно о неподобающем поведении старшеклассников. Она хочет обсудить с тобой меры противодействия. Прошу прибыть без опозданий.

Линь Цзэ слегка приподнял бровь. Неужели он ошибся, и у Нагасимы Тиэ действительно не было дурных намерений?

Долго он не раздумывал.

— Хорошо, я приду вовремя. Надеюсь, председатель даст мне исчерпывающие объяснения.

Искренне она звала его или нет — Линь Цзэ было плевать. С Системой за спиной за свою жизнь он не опасался. Если Система не подает сигналов тревоги, лучше следовать течению — этому уроку он научился в первом мире ценой пота и крови.

Время пролетело быстро. Закончив уборку, Линь Цзэ направился к кабинету В-2 — специализированному кабинету изобразительного искусства.

<http://bllate.org/book/17572/1713525>